

ГЛАВА 1

КАЖДЫЙ САМ ЗА СЕБЯ

Прошлое — это чужая страна:
там все делают по-другому.

Л. П. Хартли. Посредник (1953)

Племя охотников и собирателей дзу/хоанзи живет в отдаленных деревнях в пустыне Калахари в Намибии, на юго-западе Африки. Когда я был там в последний раз в 2017 году, то встретил человека по имени Тамзо, который иногда слышит злые голоса в своей голове. Раз в месяц он ходит в клинику, по двадцать километров в каждую сторону, чтобы получить психотропное лекарство, хлорпромазин. Когда я сидел с Тамзо, его женой и двумя детьми возле их хижины, вокруг них собрались поговорить все жители деревни, примерно двадцать человек. «Все знают, что если Тамзо не будет принимать лекарства, голоса в его голове вернуться. Они говорят ему, что он может убивать людей своими мыслями», — без колебаний и малейшей неловкости поведала его жена. Эти голоса принадлежат не Тамзо, а духам, посланным ему в качестве мести людьми из соседней деревни, где несколько лет назад его брат якобы изнасиловал молодую женщину. Духи, которых ее родственники послали в деревню Тамзо, поселились в нем — но не из-за того, что сам Тамзо сделал что-то плохое, а просто случайно. Болезнь Тамзо — не его вина.

Традиционный целитель смог усмирить духов, но полнотью прогнать их ему не удалось, поэтому Тамзо и обратился к западным медикам. Сотрудники клиники, которые выписывают ему лекарство, ставят в своих картах диагнозы «шизофрения». Но эта формальность важна только для них. Кроме разговорного слова, которое означает «странный» или «сумасшедший», у племени дзу/хоанзи нет термина для шизофрении или психоза. И даже человек, который считается сумасшедшим, является таковым, только если проявляет соответствующие признаки. Тамзо, по крайней мере на данный момент, больше не страдает визуальными или слуховыми галлюцинациями. Поэтому он не сумасшедший, а значит, на нем нет стигмы. Он почти наверняка страдает тем же заболеванием, которое мы в Северной Америке и Европе называем шизофренией. Просто люди из дзу/хоанзи по-другому воспринимают эти симптомы. У себя дома Тамзо — жертва злых духов, и только в клинике он страдает шизофренией.

В другой деревне живет девятилетний мальчик Геше, он не может говорить. Он засовывает язык под передние зубы, несколько раз издает свистящий звук «тс...» и часто пускает при этом слюни. Он необычно двигает пальцами перед лицом, почти не смотрит людям в глаза и любит побыть один. В деревне этих охотников-собираателей есть потрепанный чемодан, но пока другие дети катаются на нем, представляя, что это ослик, Геше просто нравится играть с замком на молнии. Сверстники иногда дразнят его, потому что он отличается, но и присматривают за ним. Родители учат своих детей не хулиганить и не отвечать ударом на удар. Дзу/хоанзи — настолько мирное общество, что в антропологической литературе они известны как «безобидный народ»¹.

¹ Thomas, Elizabeth Marshall. *The Harmless People*. 1958. NY: Vintage.

Родители Геше рассказали мне, что его проблемы начались, когда он в младенчестве едва не умер от кори. Они никогда не водили его в больницу, но в кабинете американского врача ему наверняка поставили бы диагноз «аутизм», поскольку у него все классические симптомы. Родители и соседи тепло отзываются о нем. «Почему мы должны вести его к врачу? — спрашивал меня его отец. — Мой сын выжил после кори, а еще он отлично пасет коз. Он всегда точно знает, где они, днем и ночью». Отец также рассказал, что у Геше отличная память и он находит все, что люди теряют в кустах, например ножи или стрелы. Когда я спросил его, беспокоится ли он о том, кто будет заботиться о Геше, когда он и его жена умрут, он смутился, а затем указал на своих соседей: «Мы же не умрем все сразу».

Я не стал бы утверждать, что племя дзу/хоанзи — это идиллическое общество, но мы можем кое-чему у них поучиться. Они принимают различия, которых мы сторонимся. Люди этого племени не думают, что такие состояния, как шизофрения или аутизм, полностью определяют человека. В этих деревнях люди не ждут, что человек будет жить самостоятельно и полностью отвечать за свои успехи и неудачи. Однако в Европе и Северной Америке мы на протяжении долгого времени идеализировали автономного индивида, почитали тех, кто производит больше всего капитала, и клеймили тех, кто производит его меньше. Именно из-за этой одержимости независимостью европейцы впервые придумали категории психических болезней в начале промышленной революции. Идея состояла в том, чтобы выделить отдельные группы непроизводительных работников. При капитализме психические болезни и зависимость от семьи стали признаками позора. Мнение отца Геше, напротив, проистекает из того типа общества, в котором он живет, общества, в котором есть множество опекунов и социальная поддержка. Никто в этих дерев-

нях не планирует стать самостоятельной и независимой личностью, которую западный капитализм ассоциирует с идеальным человеком и работником, и поэтому люди с ограниченными возможностями менее стигматизированы. В обществе, подобном тому, где живут Геше и Тамзо, никогда не задают вопрос, который в какой-то момент задают почти каждому американскому родителю ребенка с аутизмом: сможет ли ваш ребенок жить самостоятельно?

*

На примере первых британских поселенцев на острове Марта-Виньярд мы можем научиться тому, как они предотвращали стигматизацию физических недостатков. Сегодня остров — популярное место для отдыха, всего в 45 минутах езды на пароме от города Вудс-Хоул, штат Массачусетс, или примерно в 130 километрах от Бостона. Но в течение двух с половиной столетий на нем проживало небольшое сообщество английских поселенцев и их потомков. Англичане впервые пришли на остров в начале 1600-х годов, когда тот еще был заселен коренной общиной из нескольких тысяч индейцев народа вампаноаг. Как это часто бывало в колониях, число индейцев там быстро уменьшалось, в то время как британское население росло. На протяжении многих поколений поселенцы заключали браки между собой и редко ездили на соседний остров Нантакет, всего в 60 километрах отсюда, не говоря уже о Бостоне¹. К середине 1700-х годов среди 3100 британских жителей насчитывалось всего 30 разных фамилий, и последствия многолетнего кровосмешения дали о себе знать.

¹ Groce, Nora Ellen. 1985. *Everyone Here Spoke Sign Language: Hereditary Deafness on Martha's Vineyard*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

В этом ограниченном генофонде появилось генетическое расстройство. К концу 1800-х годов почти четверть жителей некоторых деревень имели ту или иную степень наследственной глухоты. Но глухие, частично глухие и слышащие изобрели для общения свой собственный язык жестов, и островитяне, не зная другого населения, с которым они могли бы сравнить себя, предположили, что глухота была просто вариацией человеческой природы. Глухота была настолько распространена, что в устных преданиях, собранных в двадцатом веке, потомки поселенцев с трудом вспоминали, кто из их друзей и родственников был глухим, а кто — слышащим. «Видите ли, — сказал один из старейшин в 1980 году, — здесь все говорят на языке жестов».

Это общество не было похоже ни на одно другое, жившее на материке. В конце девятнадцатого века американские школьные учителя запретили детям пользоваться языком жестов. Они считали, что язык жестов — это примитивная, почти дикая форма общения, которая препятствует интеллектуальному и социальному развитию детей и мешает им стать полезными членами общества. Врачи также настоятельно рекомендовали глухим людям не вступать в брак, чтобы у них было меньше шансов передать потомству свои дефекты и препятствовать эволюционному прогрессу. На острове Мартас-Винъярд глухота была обычным различием между людьми. Там же, где она была редкостью, глухие дети обучались отдельно от других детей, в рамках учебной программы, которая вместо языка жестов поощряла чтение по губам. К концу Первой мировой войны около 80% глухих детей в США обучались без использования языка жестов¹.

Со временем, по мере того как люди покидали Мартас-Винъярд и приезжали новые жители, наследственная

¹ Baynton, Douglas C. 1996. *Forbidden Signs: American Culture and the Campaign Against Sign Language*. Chicago and London: University of Chicago Press.

глухота исчезла¹. Но местные жители помнили язык жестов, и даже многие слышащие люди продолжали пользоваться им по привычке, уже спустя годы после того, как в 1952 году умер последний островитянин с наследственной глухотой². Они помнили, что, в отличие от материка, глухих людей не выделяли, ведь если все говорили на языке жестов, глухота даже не могла считаться недостатком и никогда не стигматизировалась. И поскольку они не выделялись как группа, люди, которые не могли слышать, никогда даже не считались «глухими». Прелесть изобретения языка жестов заключалась в том, что островитяне выработали культурную адаптацию к физическим условиям. Это один из лучших примеров того, как культура, а не природа порождает и определяет, что считать нормальным, а что — нет. Именно культура — социальная изоляция и смешанные браки — создала биологические условия, но и культура же была достаточно сильна и созидательна, чтобы обойти их. Поскольку люди, которые не могли слышать, были полностью интегрированы в общество и имели возможность общаться со всеми, позволительно утверждать, что на острове Марта-Винъярд никто не был действительно «глухим».

*

Большинство исследований стигматизации в той или иной степени вдохновлены книгой социолога Ирвинга Гоффмана «*Стигма: Заметки об управлении испорченной идентич-*

¹ Исследователи глухоты называют подобные сообщества с «общим языком жестов» по всему миру (например, в Мексике, Израиле, Гане, Японии, на Бали и Ямайке) «случай Марта-Винъярд». См.: Kusters, Annelies. 2010. “Deaf Utopias? Reviewing the Sociocultural Literature on the World’s Martha’s Vineyard Situations”. *Journal of Deaf Studies and Deaf Education* 15 (1): 3–16.

² Sacks, Oliver. 1989. *Seeing Voices: A Journey into the World of the Deaf*. NY: Vintage.

ностью» (1963). На самом деле я не могу представить себе другую важную концепцию в социальной науке, которая была бы так привязана к одному тексту. Гоффман описывал стигматизацию как побуждающее к импульсу явление, подразумевая, что она разворачивается во взаимодействии повседневной жизни как результат общественной нетерпимости, невежества и страха. По его мнению, люди, чьи личные качества расходятся с тем, чего ожидает от них общество, несут бремя стигмы. Они вынуждены скрывать или сдерживать себя, чтобы их дискредитирующее состояние не было разоблачено. Но поскольку Гоффман занимался главным образом изучением повседневной социальной деятельности — своего рода микросоциологией, — его работа непреднамеренно отвлекла внимание от более крупных исторических или культурных различий в США и за их пределами, которые порождают стигматизацию.

Тем не менее, как показывают примеры из Намибии и Мартас-Винъярд, стигма значительно варьируется в зависимости от места и времени. Она проистекает не из невежества или неспособности индивида ориентироваться в повседневной жизни, а скорее из представлений данного общества об идеальном человеке. Переживания болезни Тамзо и Геше формируются их обществом и его историей так же, как и переживания болезни в США. Поскольку мы живем в индустриальном обществе, ответ на многие вопросы о том, почему стигматизация увеличивается или уменьшается с течением времени, можно найти в истории капитализма. В Северной Америке и Европе стигма возникла на основе современного капиталистического ярлыка для праздных людей. Врачи, политики и другие «эксперты» в области общественного здравоохранения изолировали тех, кого они считали экономически непродуктивными, включая людей, которые не могли работать из-за серьезных интеллектуальных или поведенческих нарушений.

Большинство из нас могут не верить в злых духов, как верит в них Тамзо, но мы поклоняемся товарно-рыночным отношениям, мы возвели храм для накопления капитала и бесконечных потребностей¹. Мы поклоняемся рационализаторству, производству и свободному рынку и предпочитаем самодостаточность опеке государства, церкви или общества. Рыночные ценности теперь пронизывают все аспекты нашей жизни, пересекая границы того, что мы обычно называли «экономикой», — например, когда университеты поощряют изучение химии, а не Шекспира, потому что крупные исследовательские гранты приносят больше денег, и когда страховые компании определяют денежную стоимость наших жизней и частей тела. Если капитализм может формировать такое многообразие явлений, имеет смысл выяснить, как он формирует наше отношение к здоровью и болезням.

Психические болезни, как мы увидим, являются таким же продуктом нашей культуры, как болезнь Тамзо является продуктом культуры дзу/хоанзи. Мы окружаем аурой правды объяснения, которые для нас имеют смысл, хотя ни одна психическая болезнь не может быть подтверждена лабораторным анализом, и Тамзо не может доказать, что он стал жертвой сверхъестественных злых сил. В Северной Америке большинство людей считают, что если эксперты дают психическим болезням названия и классифицируют их, они основываются на чем-то большем, чем общее мнение. Мы наделяем ученых властью и авторитетом, как будто «знания» — это реальная вещь, которой может обладать человек или учреждение (например, диплом или звание кандидата наук), и удобно забываем, что практика и суть науки лучше всего познаются методом проб и ошибок,

¹ Sahlin, Marshall. 2017 [1972]. *Stone Age Economics*. London: Routledge, 37.

удачных догадок и погрешностей. Психические болезни также связаны со многими видами нашей деятельности и миллиардами долларов, которые мы на них тратим, — например, диагностические опросы, публикации, лечение, финансирование исследований, страховое возмещение и научные конференции, существование которых зависит от диагностических ярлыков. Чем более общепринятыми становятся эти практики, тем больше они входят в нашу повседневную жизнь, в сферу здравоохранения и образования и тем более вероятно, что мы будем ставить диагнозы, которые их поддерживают. Нельзя содержать фонды, клиники, терапевтические программы, исследовательские программы, школы и конференции для изучения конкретного заболевания, если мы не верим, что это заболевание действительно существует, и не можем обеспечивать непрерывную постановку диагнозов.

Но категории психических болезней — это просто временные названия или рамки, помогающие нам понять паттерны поведения, которые причиняют людям страдания. Люди с диагнозом «аутизм», как моя дочь Изабель, будут иметь проблемы с речью, социальным общением и повторяющимся поведением независимо от того, как это состояние будет называться. Мы называем ее аутисткой, потому что в настоящее время живем в обществе, в котором эта концепция имеет смысл, и она обеспечивает — по крайней мере на данный момент — относительно не стигматизирующую модель для понимания отличий Изабель и для работы служб, которые, по нашему мнению, ей помогают. Но никто не знает, как долго будет существовать концепция аутизма. Есть много ныне недиагностируемых болезней, которые самые умные ученые когда-то считали вечными, — например, истерия, неврастения и даже недавно исключенная категория расстройства Аспергера. Конечно, люди все еще испытывают эмоциональное расстройство

через изнурительные телесные симптомы (то, что раньше называлось истерией); люди все еще страдают от головных болей, усталости и раздражительности при тревоге или депрессии (то, что раньше называлось неврастенией); и все еще есть люди со всеми симптомами аутизма, кроме задержки речи (то, что раньше называлось синдромом Аспергера). Эти болезни остаются такими же реальными, как и раньше. Мы просто по-другому их называем.

*

Большинство знаний о психических болезнях до эпохи капитализма мы почерпнули из описания психологических проблем в древнеисламских медицинских трактатах, многие из которых являются переводами древнегреческих текстов на арабский язык. В них предполагается, что нет никакой разницы между болезнью ума и болезнью тела. Один документ десятого века, написанный в Северной Африке ибн Имраном, посвящен теме «черных мыслей», «паники» и «ощущения несчастья» и предписывает следующее лечение: травяные отвары для выведения черной желчи из тела, физические упражнения и сокращение потребления алкоголя. Средневековое исламское общество, по-видимому, было вполне терпимо к человеческим различиям. Хроника аль-Макризи, датированная четырнадцатым веком, описывает людей в Египте, которые утверждали, что они давно умершие султаны, но их обычно наказывали только в том случае, если они представляли реальную политическую опасность¹. Согласно работе финского антрополога девятнадцатого века Эдварда Вестермарка,

¹ См.: Dols, Michael. 1984. "Insanity in Byzantine and Islamic Medicine". *Dumbarton Oaks Papers* 38: 135–48; and Dols Michael. 1987. "Insanity and its Treatment in Islamic Society". *Medical History* 31: 1–14.